

СЕКРЕТАРСКИЙ ТЕАТР

Только общественным положением режиссеров можно объяснить присутствие в афише Международного театрального фестиваля имени Чехова некоторых российских спектаклей

Независимая газета. — 1998. — 28 мая. — с. 9

Григорий Заславский

ТЕ, КТО УСПЕЛ побывать на знаменитом театральном фестивале в Торунь, в старинном польском городе, прежде фестиваля прославившемся тем, что там родился Коперник (сохранился и дом, где случилось знаменательное рождение, но мемориальную доску повесили на соседнем — «родительский дом» посчитали недостойным великого гражданина), конечно, запомнили сдержанную даму — директора фестиваля. В афише каждого — среди европейских знаменитостей — всегда находилось место одной или даже двум ее новым постановкам. Спектакли ее всегда были невыносимо скучны, но уходили с них неохотно, поскольку эта самая директриса имела обыкновение вставать в конце партера у самых дверей и наблюдать за публикой. Ситуация, прошу прощения за каламбур, становилась безвыходной. Равнодушная к куда более достойным, фортуна ей улыбнулась, и теперь она руководит одним из самых известных в мире театров, входит в многочисленные европейские жюри и комитеты по театральным вопросам.

Конечно, наш Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова мало чем напоминает камерные форумы сценического искусства, проводимые чуть ли не в каждом маленьком городке, «гордящиеся присутствием на карте», будь то Польша, Финляндия или Италия. Их фестивали укладываются, бывает, в пять дней, не дотягивая и до недели. Наш растянулся на два с половиной месяца и собрал более пятидесяти спектаклей (точности ради: в афише значится 52, но в последний момент не нашлось денег на «Макбета», поставленного Камой Гинкасом в Хельсинки; в итоге остался 51, но и это очень много). Даже на самый дорогой спектакль на театральном фестивале в Тампере (гонорары, которые получают театры за участие, доходят до 20 тыс. долл.) цена билета не поднимается выше 200 рублей — в пересчете на наши деньги. У нас на «Пьесу без названия» Льва Додина самый дешевый билет стоил 150! Коммерческий план выполнить не удалось, что неудивительно: спектакли первого Чеховского фестиваля рекламировались именно как общедоступные шедевры, самыми дорогими в 92-м году были билеты стоимостью 35 рублей. Как объяснить консервативной московской публике, что правила изменились и теперь театральный фестиваль — удовольствие для новых русских? Может

быть, не весь, но, во всяком случае, — в лучшей своей «половине», именно в той, что достойна внимания, — обещанные шедевры.

Шедевров, говорят, немного. Это и понятно: шедевров и не может быть много, и тут российская театральная ситуация ничем не лучше, но и не хуже той, что сложилась на остальных пяти шестых части суши. Безошибочность выбора жюри «Золотой маски» очевидна: и на Чеховском фестивале, когда бы и тут выработали какие-никакие общие критерии и принялись выбирать самых лучших, Лев Додин бы снова оказался в ряду первых.

Другой вопрос: к чему было привозить к нам худших? Оливье Пи, скажем, — подражателя высоким и низким жанрам французской сцены, сыгравшего сначала на малой сцене Театра российской армии пародию на кабаре-представление, а потом на большой — не осознанную им как пародия интеллектуальную драму; одинаково, надо сказать, бездарного в том и в другом. Или торжественно открывать программу Чеховского фестиваля широко разрекламированным Американским репертуарным театром? Чтобы потом говорить: а вот Ефремову понравилось... Ефремову, как известно, понравился и недоброй памяти спектакль Марка Розовского «Брехтияна, или Швейк во второй мировой войне», что, однако, не помешало стыдливо снять его с афиши вскоре же после премьеры. Это, впрочем, другая история. Совсем другая. Справедливости ради отметим, что при составлении программы нынешнего Чеховского фестиваля были учтены только американские «пристрастия» Олега Николаевича Ефремова. Заокеанских партнеров у нас традиционно принято уважать, тем более тех, которые искренне клянутся в любви к Станиславскому и готовы тратить деньги на приглашение его «прямых наследников» с родины основоположников — так сказать, прикоснуться к истокам... И потому спектаклей Розовского в программе нынешнего Чеховского фестиваля нет.

Порою же посещала меня совершенно крамольная мысль. А может, «плохих иностранцев» позвали, чтобы лучше смотреться на их выгодном фоне? Соседство «Пьесы без названия» Льва Додина со спектаклем Кристофа Маргалера «Три сестры» — естественно и ненадуманно. И когда рядом в афише — «Платонов» Ежи Яроцкого, все вроде бы нормально и нет причин для сомнений и лишних вопросов. Они появляются, когда один за другим на фестивале сменяли друг друга бесконечные грузины, на которых не хватало даже богатой музыкальной национальной общины. Залы не заполнялись, публика начинала ухо-

Мхатовским билетерам все равно, что происходит на сцене, — лишь бы публика вела себя пристойно. Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

дить через пять минут после начала. Тут-то и лезли в голову мысли о «прогрузинских настроениях» внутри Международной конфедерации театральных союзов. Но полюбить грузинский театр очень трудно, когда приходится видеть «объедки» — то, что осталось от прежнего величия Рамаза Чхикваидзе, или то, что могло получиться, но в силу естест-

венных театральных причин не получилось у хорошего режиссера Темура Чхеидзе.

То, что неудачный спектакль театра «Et Setega...» был включен в фестивальную афишу лишь из почтения к председательскому положению в Союзе театральных деятелей Александра Калягина, — это понятно. А «Евгений Онегин» театра «Новая опера»?

Потому, что режиссер спектакля Сергей Арцыбашев — секретарь упомянутого союза? Или чтобы сделать приятно московскому мэру, зная, что «Новая опера» — его любимое детище? Ведь других опер в афише Чеховского фестиваля нет и раньше не было. Или — как закручено, как заверчено! — потому, что фестиваль в нынешнем году посвящен 100-летию МХТ, а его основатели были неравнодушны к оперному искусству?

Почему Петр Фоменко, официально признанный патриарх российского театра, представлен студенческой версией чеховской «Свадьбы», где хрестоматийные реплики перемежаются легким матерком? А студенты то и дело сбиваются на уровень любительского капустника... Как можно было включать в афишу спектакли, которые еще только начинали репетировать, когда из типографии уже выходил отпечатанный буклет фестиваля? Потому, что Театр армии, где работает Борис Морозов, — хорошая площадка для Мнушкиной? «Фестивальные обязательства» сыграли с Морозовым злую шутку: «На дне» были выпущены в сыром, недодуманном виде, так что приходилось логалываться, что именно хотел сказать режиссер, до сих пор не позволивший себе халтурить в столице, что играют актеры, с которыми прежде у Морозова было полное единомыслие, — Екатерина Шуленко, Борис Плотников, Дмитрий Морозов... Потому, что петербургским БДТ, который в конце мая привезет в Москву «с пылу, с жару» премьеру «Аркадии» Тома Стоппарда, руководит Кирилл Лавров, одновременно возглавляющий и Международную конфедерацию театральных союзов? А своя рука — владыка.

Призрак торуньской директрисы бродит по Европе. Или не призрак — синдром. Порусски это можно назвать синдромом «секретарского театра», хотя не все режиссеры тут — секретари СТД. И, конечно, не все спектакли русской программы можно заподозрить в «неладном». Но зачем такие подозрения худруку Чеховского фестиваля Марку Захарову? Вот кто и по заслугам своим и по пережитому опыту мог бы зваться мэтром отечественного театра, патриархом, гуру — кем угодно. Но заедает суета. И мельчают наши мэтры. И не выбиваются в патриархи. И нет их у нас (хотя кого-то, как Гончарова, и возводят — «за выслугу лет»).

Где есть место подобным сомнениям, нет места авторитетам. И нет у нас непререкаемых авторитетов. А это — беда.

